

**Законодательные новеллы в сфере примирительных процедур:
прогрессивный скачок или безнадежная стагнация?**

Научный руководитель – Любченко Максим Янович

Мезенцев Никита Андреевич

Студент (бакалавр)

Сибирский федеральный университет, Юридический институт, Красноярск, Россия

E-mail: nikita.mezencev.98@mail.ru

Многие исследователи, рассматривающие вопрос о снижении нагрузки на судебную систему в Российской Федерации, делают вывод о том, что примирение сторон, в том числе использование альтернативных способов разрешения споров, может существенно улучшить положение дел. Предполагается, что чем больше дел будет заканчиваться примирительными процедурами, тем меньше затрат будет уходить на судебные разбирательства и тем эффективнее будет становиться судопроизводство в целом. Исходя из таких посылов, в жизнь был воплощен (частично) законопроект Верховного суда Российской Федерации посредством внесения изменений в процессуальные кодексы, касающихся положений об альтернативных способах разрешения споров [1].

Новые положения в законодательных актах осветили не только изменения в сфере уже известной ранее примирительной процедуры - медиации, но также был создан новый институт - судебное примирение, которое ранее в российской действительности еще не использовалось никогда. Однако после исследования данных новелл возникает вопрос: насколько эффективна данная законодательная инициатива, действительно ли нововведения помогли усовершенствовать механизм мирного разрешения споров?

В качестве ответа на данный вопрос предлагаю провести различие двух схожих по своей природе примирительных процедур, а именно медиации и судебного примирения.

В литературе процедуры «судебное примирение» и «судебная медиация» нередко воспринимаются как две тождественные категории. Однако, несмотря на то, что указанные механизмы мирного урегулирования споров имеют много общего, в то же время они во многом отличаются [2]. Общим между судебным примирением и медиацией является то, что это есть альтернатива традиционной судебной защите прав и законных интересов участников гражданского оборота, которая подразумевает участие независимого посредника в разрешении спора. Судебное примирение и медиация могут применяться для урегулирования споров, которые уже находятся на рассмотрении в суде; при успешности их применения спор прекращается, и судебное разбирательство, по существу, становится не востребуемым [3].

Принципиальное отличие между судебным примирением и посредничеством заключается в степени участия, роли и функциях привлеченного для их проведения третьего лица. Судебный примиритель, как правило, играет более активную роль в примирении сторон, чем посредник. Роль последнего заключается лишь в организации встреч сторон, создании благоприятных условий для достижения сторонами взаимоприемлемого решения, без права принятия какого-либо решения. Судебный примиритель не ограничивается лишь содействием коммуникации между сторонами, а обладает и дополнительными полномочиями (предлагать свой вариант решения по делу, давать свои рекомендации, знакомиться с материалами судебного дела и т.п.) [3].

Надо понимать, что такая активность действий судебного примирителя исходит из самого статуса субъекта, который может претендовать на роль судебного примирителя - судья в отставке. Избирая такой путь, законодатель тем самым ограничил автономию воли

сторон в судебном примирении механизмом выбора кандидатуры примирителя, его активной ролью. В данном случае также некой опасностью является бывший опыт судебных примирителей. Представляется сюжет, при котором примиритель будет, что называется, стоять на горящих углях: опыт будет требовать решить все за стороны, а закон - сделать так, чтобы стороны сами пришли к решению [4]. При таком раскладе наивно будет отрицать, что в основе этого способа разрешения конфликта лежит авторитет судебного примирителя. Таким образом, судебное примирение в том варианте, в котором оно сейчас воплощается, явно не является возрождением утраченных Россией традиций мирного урегулирования конфликтов.

В медиации же независимость и беспристрастность медиатора предполагается а priori. Стороны самостоятельно и добровольно выбирают третье лицо, которое будет способствовать урегулированию конфликта, и самостоятельно вырабатывают медиативное (мировое) соглашение [6].

Следовательно, возникает логичный вопрос: так ли необходимо было законодателю вводить новый институт в рамках примирительных процедур?

Полагаю, что возложение на суд ключевой роли в примирении сторон было ошибочным решением, поскольку это может привести к соединению в одном лице полномочий судьи и примирителя и придаст функции примирению самостоятельное, а не вспомогательное значение [5].

Разработчикам проекта следовало бы больше внимания уделить проблемам воплощения возложенных надежд на институт медиации, а именно: предложить более подробную регламентацию профессиональной ответственности медиаторов, урегулировать вопрос оплаты услуг медиатора - конкретизировать границы их гонораров, уточнить аспекты, касающиеся профессионального образования примирителей, поскольку на данный момент единой программы дополнительной подготовки медиаторов в России не разработано. Немаловажно и решить вопрос с правовой грамотностью населения, поскольку неразвитость альтернативных способов урегулирования споров связано в первую очередь с недостатком правовой и человеческой культуры граждан. Ведь главная цель примирения это урегулирование конфликта, а не достижение решения по спору, т.е. по взаимным претензиям сторон.

Источники и литература

- 1) Горшкова К.Н., Желонкин С.С. Примирительные процедуры в России: новеллы процессуальной реформы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 3. С. 12-17.
- 2) Лукьяновская О.В. Медиация в России: первые итоги и дальнейшие перспективы // Российский судья. 2016. № 3. С. 14-17.
- 3) Мищенко Е.В., Летута Т.В. Принципы судебного примирения, медиации и арбитража: сравнительно-правовой аспект // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 2. С. 4-11.
- 4) Носырева Е.И., Фильченко Д.Г. Основные положения концепции об институте примирения сторон в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2015. № 1. С. 34-41.
- 5) Рубан О.Н. Роль суда в развитии института медиации // Российский судья. 2018. № 8. С. 28-31.
- 6) Шафоростова К.И. Медиация и судебное примирение: общие черты, различия, перспективы // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2018. № 5. С. 1-7.